

Призрачный огненный силуэт птицы, так похожий на истинное обличье Чжуцюэ, опустился на плечо мужчины. Лингуан посмотрел, как бесстрастно Е Линь тянет к ней руку, пытаясь раздражить, и не удержался — мысленно заставил птицу зло хлопнуть наглеца крылом.

На болезненно-бледной коже тут же проступил багровый след ожога, который, впрочем, мгновенно затянулся, не оставив и следа.

Е Линь даже не поморщился. Всё так же невозмутимо он продолжал ловить птицу за крыло и перебирать её перья. Жар, обжигавший ладони, его нисколько не пугал.

Смотреть на то, как мужчина ласкает птицу, бывшую точной копией его собственного обличья, было невыносимо странно. Лингуан шумно выдохнул и резко свистнул, возвращая её себе.

Лингуан легко вскинул руку, принимая пикирующее к нему пламя.

На его лице заплясали отсветы пламени. Дерзко вскинув бровь, он торжествующе улыбнулся и взмахнул рукой. Огненный силуэт послушно сорвался с запястья, разрастаясь в воздухе, и величаво закружил под потолком, упоенный свободой полета.

Фотограф, впервые оказавшийся так близко к легендарному Чжуцюэ, работал как безумный. Глаза его горели восторгом, а голографический экран заполнялся снимками с бешеной скоростью.

Интеллектуальная система мгновенно выправляла свет и экспозицию. Готовые кадры бескончаемой лентой ложились в приемник один за другим.

На снимках алая птица взмывала из-за его спины, словно рожденная в самом сердце бушующего пламени. Сам Лингуан выглядел сошедшим из пламени божеством: холодный, высокомерный взгляд, устремленный куда-то мимо камеры, точеные черты лица. Защитный зеленый цвет мундира в багровых отсветах казался зловеще-кровавым, вея военным пожаром и неумолимой, давящей силой.

Достаточно было мимолетного взгляда, чтобы легкие сковало спазмом — и лишь когда нехватка кислорода становилась невыносимой, зрители судорожно вдыхали, сбрасывая оцепенение.

Пока Лингуан работал перед камерой, Е Линь молча наблюдал за ним со стороны.

Стоило съемке завершиться, как Е Линь едва заметно поманил птицу пальцем — и та, послушно захлопав крыльями, опустилась на его широкое плечо.

Пожиратель, когда-то поглотивший божественное пламя, манил к себе эту птицу на уровне чистых инстинктов. Он завороченно перебирал огненное оперение. Дождь раскаленных искр

осыпал его плечи, но не оставлял следов. Даже в самом сердце этого бушующего жара тело мужчины оставалось ледяным.

Зато внутри у него бушевал пожар — и помыслы его были полны невероятной дерзости.

Лингуан отчетливо слышал, как в чужом разуме прозвучало:

«Хочу съесть».

Даже кусок пламени сожрать готов! У этого парня точно какое-то психическое расстройство по части еды.

Смерив презрительным взглядом эту идиллическую картину, Лингуан высокомерно фыркнул и размашистым шагом направился к выходу.

Мужчина шел следом, бережно прижимая к себе огненную птицу, но Лингуан не думал замедляться. Он шагал так стремительно, что пронесся мимо Сюань Юня, даже не удостоив того взглядом. Алые волосы разметались по плечам, касаясь кончиков ушей, которые, казалось, горели от подступившего жара.

Сюань Юнь лишь качал головой, глядя, как птица вдруг нетерпеливо вырвалась из объятий Е Линя, наградила того увесистым ударом крыла по щеке и поспешила догонять хозяина. Но Е Линь и не думал злиться. Он лишь шевельнул пальцами, соткав из собственной темной энергии крошечного воробья, который робко опустился Лингуану на плечо, словно в попытке извиниться.

Сюань Юнь прищурился и тихо пробормотал себе под нос:

— А-Лин смутился? Надо же, какое редкое зрелище.

Впрочем, его можно было понять: когда существо, олицетворяющее твою собственную сущность, так бесцеремонно тискают в руках, сложно оставаться равнодушным.

Сюань Юнь мягко улыбнулся и покачал головой, чувствуя, как уходит былое беспокойство. Он и вправду всерьез тревожился за Лингуана и Е Линя. Но сейчас, видя эту безмолвную игру, понял: в крайности они не впадут. Ну а куда заведет их эта дорога — решать только им двоим.

Пока Сюань Юнь предавался философским мыслям, Лингуан с безразличным видом передернул плечами, безжалостно стряхивая незваного гостя.

— Ты поглотил божественное пламя, так имей гордость! Не смей лепить из него это немоющее недоразумение, смотреть тошно, — высокомерно бросил он через плечо.

Он гордо вздернул подбородок. Сидевшая на его руке огненная птица тут же повторила жест, воинственно расправив крылья и загородив хозяина от Е Линя пылающим щитом.

Торжествуя победу, она смерила соперника презрительным взглядом и безжалостно клюнула темного воробья, сбрасывая его вниз.

Крошечный воробей кубарем скатился на пол и, отчаянно дрожа, вцепился в брючину своего создателя — лишь это спасло его от неминуемой гибели под тяжелой подошвой Лингуана.

Сам же Лингуан упрямо шагал вперед, полностью игнорируя оставшихся позади мужчину и его творение.

Е Линь наклонился, бережно подобрал кроху, позволяя ей растаять в ладони, и замер, опустив голову. О чем он думал в этот момент, оставалось загадкой.

Впрочем, как бы быстро ни шагал Лингуан, у самых дверей Звездной администрации он все же сбавил темп, давая Е Линю возможность нагнать его.

К моменту, когда Пожиратель приблизился, Лингуан уже стоял на крыльце, скрестив руки на груди. Военная шинель была небрежно наброшена на плечи, нашитые на нее золотые медали поблескивали под лучами солнца. Красные волосы, растрепавшиеся на ветру, пламенными волнами омывали его бледное, суровое лицо.

Служащие Звездной администрации, сновавшие туда-сюда, то и дело украдкой оборачивались, не в силах оторвать взгляд от этой притягательной фигуры.

По правде говоря, Лингуана сложно было назвать классическим суровым воином. Его лицо обладало почти пугающей, ослепительной красотой, но вечное равнодушие, застывшее на нем, превращало эту яркость в холодную, неприступную маску.

Заметив приблизившегося Е Линя, он перекинул шинель на другое плечо и распахнул дверцу звездного челнока.

Но Е Линь мягко перехватил его запястье. Прежде чем Лингуан успел возмутиться, мужчина, точно заправский фокусник, вытащил из-за пазухи сплетенную из гибких стеблей травяную птицу. Несмотря на простоту материала, игрушка выглядела на удивление грозно: высоко поднятый клюв, гордо раскинутые крылья — в ней безошибочно угадывался истинный властелин небес.

Лингуан сразу узнал в материале ту самую декоративную траву, которой флористы украшали цветочные корзины в павильоне.

Игрушка едва умещалась на ладони, но от нее исходило странное, почти осязаемое величие.

Лингуан бросил на нее мимолетный взгляд и вдруг застыл как вкопанный.

«Все еще не то».

Е Линь слегка склонил голову набок. На его лице отразилось слабое недоумение, словно он пытался уловить беззвучный шепот.

[Этот пернатый — невозможный зануда, — недовольно проворчала Система. — Ты перед ним и так, и сяк, а он даже не улыбнулся. Ему что, подарок кажется слишком дешевым?]

«Нужно подарить что-то другое?»

Е Линь глубоко задумался.

— Ты... пытаешься меня утешить? — Лингуан поджал губы. Слыша лишь безмолвный голос в чужой голове, он чувствовал себя на редкость беззащитным.

Он ведь не был неблагодарным гордецом.

— Я вовсе не сержусь, — пробормотал он, нервно взъерошив красные пряди, и, словно обжегшись, торопливо шмыгнул в салон челнока. Он уставился в темное стекло иллюминатора и не повернул головы, даже когда тяжелая фигура Е Линя опустилась на соседнее кресло.

Вот только пальцы его мертвой хваткой сжимали зеленую фигурку, а длинные ресницы мелко, испуганно дрожали.

В его памяти невольно всплыл образ из далекого прошлого.

Картина из тех времен, когда мир еще не был разрушен.

Со своим покойным мужем они обручились еще в юности. Но супруг был значительно старше: когда Лингуан оставался лишь крошечным, вечно шумным птенцом, тот уже являлся величавым и мудрым Лазурным Драконом.

Маленький Чжуцюзэ безумно страдал от собственной несерьезности. Ровесник Бай Чанфэн уже вытянулся крупнее упитанного кота, а Лингуан все так же ютился на ладони супруга крошечным пушистым комочком. Это до крайности ранило его гордость.

Супруг лишь мягко улыбнулся, глядя на него с безграничной нежностью:

— А-Лин еще совсем крошка, не торопись. Ты обязательно вырастешь, нужно лишь немного

подождать.

Но что вообще значит — вырасти? И каким он станет тогда?

Маленькие священные звери в детстве бывают невыносимы. Юный Лингуан сутками напролет допытывался у всех подряд, каким он станет. Своими расспросами он так извел Сюань Юня, что неторопливый и мягкий по натуре Сюанью при виде птенца спешил поскорее сбежать.

Лишь у его мужа терпение оставалось безграничным. Он терпеливо плел из сухой травы фигурки огромных птиц и ласково утешал его:

— Вот сплету я для нашего маленького А-Линя десять тысяч таких птиц — и ты сам не заметишь, как вырастешь.

— И я стану грознее самого Куньпэна? — с замиранием сердца уточнял малыш.

— Ну конечно, — с абсолютной уверенностью подтверждал тот.

И пусть те кривые поделки выглядели так убого, что без слез не взглянешь, Лингуан искренне верил ему.

Просто потому, что это говорил именно он.

Птица в ладонях Е Линя была сплетена безупречно, выдавая руку того, кто практиковался в этом искусстве годами.

Но Лингуану она казалась нелепой. Такой же нелепой и кривой, какими были творения его покойного мужа.

[Невероятно! Хозяин, вы же сплели ее просто безупречно! После той бесконечной практики в «Апокалиптическом побеге» ваши игрушки стали настоящим искусством. Почему он тогда выглядит так, словно сейчас расплачется? Неужели ему правда не понравилось?]

С точки зрения Системы, подобное было просто исключено.

В «Апокалиптическом побеге» не хватало многого, но сорных трав там росло с избытком. От нечего делать ее хозяин наловчился плести из стеблей такие шедевры, что они казались ожившими.

Забредавшие туда игроки поначалу дико пугались этих поделок, принимая их за выращенных боссом монстров, и в панике сжигали дотла всю его галерею.

Естественно, всех тех наглецов ее великий хозяин в итоге разорвал на куски.

Словом, поделка была идеальной. И точка.

Е Линь не удостоил Систему ответом. Его темные, бездонные глаза были прикованы исключительно к Лингуану.

Он вообще был невероятно скуп на слова, предпочитая безмолвно размышлять. От него веяло могильным холодом, и вел он себя тише мертвеца, выдавая присутствие лишь едва заметным движением груди.

Лингуан и сам не понимал, почему теперь этот человек занимает все его мысли. Тот неотступно следовал за ним: шел по пятам из машины, поднимался по ступеням и, кажется, вознамерился войти следом прямо в спальню.

— Займись своими делами, — Лингуан ухватился за ручку двери, стараясь говорить как можно мягче.

Все-таки он не был совсем уж бесчувственной птицей.

Е Линь лишь буравил его мрачным взором, но стоило Лингуану слегка отвернуться, как мужчина тут же предпринял попытку проскользнуть внутрь.

— Своими! Я имею в виду — делай то, что ты делаешь в одиночку! — Лингуан выделил интонацией каждое слово, пытаясь пресечь его напор.

Но Е Линь лишь сглотнул, ответив ровным, бархатистым басом:

— Да. Я и делаю.

Что делает? Лингуан оторопел, не сразу сообразив, к чему относится эта реплика.

То есть его личные дела — это преследование?

Да он просто несносный хвостик!

Лингуан аж задохнулся от возмущения. Последние крохи жалости мгновенно испарились.

— Мне надоело, что ты постоянно таскаешься за мной, — ледяным тоном произнес он.

— В этом доме для тебя открыты все комнаты, кроме кабинета и моей спальни.

Он хотел захлопнуть дверь перед самым его носом, но молчаливый великан внезапно сделал широкий шаг вперед, нависая над ним и заслоняя свет.

Лингуан отпрянул, с изумлением наблюдая, как чужая рука тянется к его бедру.

Раздался тихий щелчок — дверь за его спиной захлопнулась.

Лингуан оказался заперт один на один в глухом пространстве между стеной и крепкой грудью мужчины.

Е Линь медленно склонился к нему. Кончики его пальцев коснулись беззащитной шеи, а сам он припал ближе, вдыхая пьянящий аромат чужой крови.

Этот упоительный аромат манил его непрерывно. С самого первого мгновения встречи он пробудил глубоко внутри спящего хищника, который теперь яростно рвался наружу. Жажда обладания терзала его, не утихая ни на миг.

Но Пожиратель желал не просто растерзать добычу и напиться ее крови. Порой, подолгу вглядываясь в Лингуана, он ловил себя на странном желании просто коснуться его мягких волос или согреть в своих ладонях его покрасневшие от холода пальцы.

Он и сам не понимал истоков этих желаний. Будучи искусственно созданным монстром, обученным лишь убивать и пожирать, он не знал слов нежности. Он умел лишь безмолвно подчиняться зову плоти.

И прямо сейчас этот зов требовал укусить Лингуана, подчинить его своей воле и заставить распахнуть закрытые двери.

К несчастью для Е Линя, его первое робкое влечение разбилось о глухую стену скорби верного вдовца, твердо решившего хранить верность до конца дней.

Лингуан был беспощаден. Ему не было дела до терзаний чужой души. Даже оказавшись прижатым спиной к стене, он лишь хладнокровно потянул за воротник, обнажая идеальную бледную кожу шеи.

А затем произнес ледяным, безучастным тоном, способным ранить сильнее любого оружия:

— Хочешь укусить — кусай быстрее. И проваливай.

[Невероятно! Как он смеет так с вами разговаривать?! Он что, дрессирует послушного пса?!]

Но «послушный пес» Е Линь лишь безмолвно застыл на месте.

<http://bllate.org/book/20308/2111893>